

ESS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského / hl. red. I. Janyšková. Praha, 1989–. Č. 1–.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Reizak J. Český etymologický slovník. Praha, 2001.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–3. Zagreb, 1971–1974.

Т. Р. Душенкова

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Ижевск, Россия

dushenkovatr@mail.ru

К семантике выражения *шыр голык*, или Почему *мышь голая*?

В удмуртском языке есть интересное выражение, использующееся в южных диалектах Удмуртии, где население исторически тесно контактировало с тюркскими народами. Это выражение *шыр голык*, представляющее собой некую загадку, поскольку, на первый взгляд, буквально оно переводится на русский язык как «мышь голая»¹.

Возможно, в данном случае мы имеем дело с таким явлением, как языковая игра. Дело в том, что лексема *шыр* в удмуртском языке представлена несколькими омонимами. Первое слово в их ряду, самое понятное и известное, — зоологический термин *шыр* ‘мышь; мышиный’ (*шыргу*, *шыр гутё*, *шыр кар*, *шыр мудэм* ‘мышиная нора’; фразеологизм *шыр быж* обозначает тонкие свисающие волосы у человека, перетянутые сзади на голове резинкой, бантом или заколкой, букв. «мышиный хвост»). Второй омоним является ветеринарным термином, который обозначает инфекционную болезнь лошадей, проявляющуюся как воспаление слизистой оболочки носа и глотки: *шыр* ‘мыт’ (например, *валэз шыр кутэм*²

¹ Мои детские воспоминания связаны с такой зрительной картинкой: мама поднимает резиновый коврик у крыльца, а под ним целый выводок голых мышат (без единого волоска!). С тех пор выражение *шыр голык* всегда ассоциировалось у меня с голыми мышами.

² Т. Борисов [1991, 354] приводит другой пример: *вал шыр луэ* <лошадь заболевает мытом>, букв. «лошадь становится мытом(?)».

‘лошадь заболела мытом’, букв. «мыт поймал лошадь»³). Третий омоним — анатомический термин, обозначающий бицепс, двуглавую мышцу.

Некоторые из этих омонимов деэтимологизировались и носителями языка отдельно не употребляются, сохраняясь лишь в устойчивых выражениях. В их числе и интересующее нас выражение *шыр гольык* ‘совсем голый, нагишом’. Если учесть также *дыльды шыр кошкон* ‘слюнотечение’, *дыльды шыр кошкыны* ‘течь (о слюнях)’, то можно предполагать и наличие четвертого омонима, семантика которого связана с выделением слюны.

Большое количество омонимов в языке, как правило, говорит о заимствовании лексем, в связи с чем рассмотрим возможные этимологии указанных слов.

В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев возводят коми-зыр. и удм. *шыр* ‘мышь’ к общеперм. **šúr* ‘мышь’, приводя в качестве соответствий мокш. *шеерь*, эрз. *чеерь*, фин. *hiiri*, вепс. *hīr*, венг. *egér*, манс. *täŋkər, täŋər*, хант. *jöŋkər* и относя слово к доперм. **šinjere* > *sire* ‘мышь’ [КЭСНЯ, 326]. Омонимы этого слова в словаре В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева не представлены.

Сведений об этимологии второго омонима, обозначающего название болезни, нами не найдено.

Наречие *шыр* в словосочетании *шыр гольык* ‘совсем голый, нагишом’ И. В. Тараканов считает заимствованием из тат. *шыр* ‘совсем, совершенно, очень’ [Тараканов, 1993, 151]. Таким образом, выражение *шыр гольык* ‘совсем голый’ никакого отношения к мыши не имеет. Вероятно, *шыр гольык* обозначает не что иное, как ‘голый-голый’, т. е. ‘совсем голый’. Путаница же происходит потому, что в удмуртском языке у слова *шыр* имеются омонимы.

Последний омоним *шыр*, который связан с выделением слюны, Т. Борисов рассматривает как междометие, «выражающее течение жидкостей, звук свистульки» [Борисов, 1991, 354].

³ Здесь также прослеживается игра слов: выражение можно перевести и как «мышь поймала лошадь». Отметим еще один интересный момент, обозначенный в примере *валэз шыр кутэм* «мыт поймал лошадь». Для мифологического сознания наших предков характерно представление болезни в виде некоего духа / живого существа, который наносит вред, а больной оказывается в его власти.

Борисов Т. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1991.

КЭСНЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск, 1993.

Габор Дьёни

Университет им. Лоранда Этвеша

Будапешт, Венгрия

dominus2006@yandex.ru

Имя, народ, история

«Башкирская проблематика» имеет давние традиции в венгерской историографии. Суть вопроса заключается в том, можно ли найти венгерские следы на территории Башкирии, т. е. свидетельства о некогда живших там венграх.

Предполагаемые «венгерские следы» в Башкирии были исследованы с разных сторон. Наряду с историей (сообщения европейских монахов и венгерских хронистов с XIII в. о Башкирии как древней родине мадьяр), археологией (отождествление нескольких археологических культур на территории современного Башкортостана с протомадьярами), фольклором (известие об уральских можарах в башкирском фольклоре) видное место в «башкирском вопросе» занимает языковедение. Это связано, во-первых, с исследованием возможных языковых контактов между мадьярами и башкирами, а во-вторых — с выявлением возможной угорской (прото)мадьярской топонимии на территории современного Башкортостана. Если на первый вопрос ответ отрицателен (следы прямых контактов между венгерскими и башкирскими языками найти не удалось), то решение «топонимического» вопроса не так уж однозначно.

Дискуссия об угорском (даже мадьярском) топонимическом пласте и в конечном счете о венгерском присутствии в Приуралье также имеет давнее прошлое. Уже в XVIII в. Г. Ф. Миллер и другие исследователи